

Патрик Моднано

Memory Lane

/перев. с франц. О. Волчек/

Я часто задаю себе вопрос: "Какой таинственный процесс заставляет людей собраться в одну компанию?" Такая группа то распадается почти сразу же, то остается в неизменном составе в течении многих лет, и подчас, благодаря несхожести характеров ее членов, наводит на мысль о полицейских облавах, с вечера до зари собирающих воедино самых различных субъектов, которые сами по себе никогда бы не встретились.

Когда мне было двадцать лет, я на время примкнул к одной такой группе людей и, хотя не состоял ее членом, довольно четкие воспоминания о ней у меня сохранились. Человека, который ввел меня в это компанию, звали Жорж Беллюн. В то время я работал в одном музыкальном издательстве на довольно незначительной должности, а Беллюн занимал соседнее со мной помещение. Я полагаю, он был кем-то вроде импрессарио, и организовывал заграничные турне певцам, не получившим еще настоящей известности. Однако за перегородкой, которая разделяла наши кабинеты, телефонные звонки раздавались нечасто. Встречались мы в лифте и коридоре и вскоре подружились. Обычно после обеда Беллюн стучал в мою дверь:

"Не пройти ли нам?" — спрашивал он. Спустившись вниз, мы прогуливались по улице Берри до Елисейских полей, затем

обратно, и так несколько раз. Беллун все время молчал, а я не решался отвлекать его своими бреднями.

Однажды он пригласил меня пообедать в "Сен-Готар" — ресторан на одной из улиц Монмартра, клиентура которого состояла исключительно из одних мужчин довольно суровой наружности. Мой друг объяснил мне, что знает это заведение вот уже тридцать лет. Первый раз он попал сюда в компании некоего Оскара Дюфресна, директора соседнего мюзик-холла. Некоторое время спустя Дюфресн был убит. В час, когда совершилось преступление, какой-то матрос выскользнул из кабинета Дюфресна и скрылся в толпе заполнявших проход зрителей, в то время как танцовщицы собрались на сцене для заключительной картины. Смутный силуэт исчезающего в сумерках матроса наложил на Беллуна отпечаток мечтательности. Полицейские тщательно допрашивали юнгу-аккордеониста, участвовавшего в ревию, но ничего не добились.

После обеда Беллун позвал меня сходить с ним в квартал Бержер к обувщику: его друг Поль Контур ищ попросил его забрать две пары мокасин, некогда заказанных им. Оказавшись у магазинчика, мы удостоверились, что он закрыт навсегда. Стекла были покрыты густым слоем пыли. Какое-то вьющееся растение оккупировало пустую витрину. Беллун усмехнулся, глядя на эту брошенную лавочку, где все еще рос цветок, и должно быть, где-нибудь в углу гнили две пары мокасин Контура. "В этом весь Поль", — сказал он мне; как-то вечером, когда мы вместе выходили из бюро, он предложил мне зайти с ним к Контурам. Я принял предложение, весьма заинтригованный, так как из головы у меня все еще не выходила эта витрина обувщика-призрака.

Контурны жили на авеню Поль-Дума, и в этот вечер они приняли нас "по-домашнему", так как другие члены компании не присутствовали. Мы сидели в гостиной, обставленной решительно современной мебелью, аэродинамические формы и мягкая обивка которой очень удивили меня. Я узнал, что меблировка была задумана одним из членов их компании, парижским антикваром, специалистом по светлому дереву. Его имя — Клод Дельваль — часто мелькало в разговоре, так же как другие

имена их близких знакомых, с которыми им довелось встретиться впоследствии.

Кроме нас, в этот вечер в гостях был еще один человек: американец с красно-кирпичным лицом и светлыми волосами. Я всегда знал его только по имени — Дуглас. Называли же его просто Дуг. Казалось, он играет при Контурах роль секретаря или управляющего.

Мэдди Контур было лет сорок. Высокая загорелая блондинка со светлыми глазами; глядя на ее спортивную походку и мохавый вид, можно было подумать, что она тоже американка. Я был очарован ею.

Поль Контур, старше ее лет на десять, рослый усатый брэнет, с едва заметной сединой на висках, несмотря на свою полноту, производил впечатление необычайной ловкости в жестах и движениях, впечатление, которое еще усиливалось его костюмами свободного покроя и рубашками с расстегнутыми воротниками.

В этот же первый вечер я ощутил, что всю квартиру окутывает некая бесшумность. Мы неподвижно сидели в креслах, за исключением американца, который время от времени подавал напитки или подходил к телефону, но его шаги были неслышны, так как он был обут в мягкие туфли. При каждом звонке Контур спрашивал его кто звонит, и после его утвердительного кивка, американец, не выпуская аппарат из рук, кидал ему трубку, которую тот подхватывал на лету. Зажав трубку между плечом и ухом, Поль что-то шептал в нее, когда же разговор был закончен, швырял ее обратно американцу. Тот ловил ее большим и указательным пальцем, и ставил аппарат на круглый столик. Свет опалиновой лампы у стены в глубине комнаты. Мэдди Контур улыбалась мне. Поль говорил. Откровенно говоря, я уже не помню его слов: я внимательно вслушивался в звук его голоса — тихий и низкий, что-то вроде шелеста.

На обратном пути Жорж Беллион, знакомый с Контурами больше двадцати лет, рассказал мне кое-какие подробности.

Простой провинциал из Анесса, утверждавший, правда, что он наполовину цыган, Поль Контур сделал блестящую карьеру адвоката. Вскоре он стал одним из самых ~~важных и влиятельных~~

молодых председателей конференций по практике, но война разбила все его планы. Он занялся торговлей лошадьми и женился на Мэдди — манекенщице в одном известном ателье. Какого рода делами он занимался потом, никто толком не знал, но поговаривали, что он "ходит по краю пропасти". В иные дни Поль поверял друзьям, что он потерял сноровку. Порой же приглашал всех поужинать в Буживаль, дабы отпраздновать какую-нибудь свою удачу.

Я узнал, помимо всего прочего, что Контур очень долго ждал на деньги, которые ему принесло дело "Танд и ля Бриг". Он и Беллини пытались мне объяснить суть этой аферы: группа посредников — часть из них утверждала, что она уполномочена итальянским правительством, другие — французским, вели переговоры о продаже Танд и Ля Бриг — двух деревушек на итало-французской границе. Контур "таскал каштаны из огня" и получал значительные комиссионные. От когo? Я этого так никогда и не понял, так же как не выяснил и того, кому эти люди хотели продать Танд и Ля Бриг, да и продали ли они их в конечном итоге.

Ну а Дуг — американец с кирпично-красным лицом, присутствовавший на авеню Поль-Думэ в первый вечер? Бывший офицер армии Бредли, он познакомился с Контуром в период Освобождения и с тех пор обосновался в Париже. Он не отходил от Контуров ни на шаг и исполнял, как я уже говорил, обязанности их секретаря и шофера. Но на правах друга. После войны Дуг занимался во Франции тем же, что и Мэдди Контур: он был первым манекенщиком мужской моды, но пьянство привело к тому, что он утратил привлекательность и приобрел этот красный цвет лица. Фото Дуга в кожаной рамке, стоявшее в комнате Мэдди, запечатлело его в костюме галльского принца, в соответствующей позе.

Несколько недель спустя, опять же благодаря Беллини, я увидел компанию в полном составе. Сборным пунктом послужил похожий на склеп бар на авеню Фридланд. Около стойки стояли Поль и Мэдди Контур, рядом двое мужчин лет тридцати, один из которых был представлен мне как Кристиан Винегрэн, а другой — друг Винегрэна — Бурдон; тут же стояли светово-

досый робкий юноша и беспрестанно смеющаяся молоденькая скандинавка, которую Бурдон нежно обнимал за плечи. Рядом с ними Дуг, с очень красным лицом, безучастный, с неподвижным взглядом сидел перед бутылкой зеленого изарра х).

Содержательницей бара была мартиникянка, которую Поль Контур называл "мадам Камоэн". Понизив голос, Жорж Беллион объяснил мне, что Кристиан Винегрэн проводит здесь целые ночи, когда его одолевают приступы хандры, и что мадам Комоэн специально держит для него раскладушку. Он даже захотел мне ее показать, и мы, проскользнув за стойку красного дерева, прошли по коридору и спустились по лестнице. Там, в подвале, я вдосталь налюбовался на эту самую раскладушку; она стояла как раз под самым каменным сводом и была отгорожена маленькой кованой решеткой, придающей всему уголку вид кривизны.

Беллион улегся на кровать: "Я тоже, старина, нуждаюсь в отдыхе. Надо бы попросить мадам Камоэн и для меня здесь что-нибудь поставить."

Я только сейчас почувствовал, что он говорит по-французски с акцентом. Его бледность и беспокойный взгляд встревожили меня. "Ну, не унывайте..."

Он поднялся и грустно мне улыбнулся.

Как только мы вернулись, Контуры позвали нас ужинать в Буживаль. И вот мы уже плотно прижатые друг к другу сидим в их автомобиле с открытым верхом.

Именно во время этого ужина я к ним внимательно пригляделся.

Кристиан Винегрэн, которого Контур иногда называл "сын Кредитного Банка", только что унаследовал большое состояние, но опасался сопротивления своей семьи. Поль Контур шуточно успокаивал Винегрена, говоря, что снабдит его удостоверением о положительном нравственном облике.

Безымянный Бурдон — мы неизменно звали его "де Бурдон" — был давнишним другом Винегрена, они вместе учились в коллеже Монтселя.

х) крепкий алкогольный напиток басков /здесь и далее прим. переводчика/.

Время от времени они вместе отправлялись в Океанию или Бразилию, а затем показывали диапозитивы и устраивали своеобразные диспуты.

Как-то раз они пригласили меня на один из таких диспутов. В зале был занят только первый ряд, на котором сидели человек тридцать подростков и несколько взрослых. Каждый показанный Винегреном диапозитив вызывал шквал аплодисментов еще до того как Бурдон успевал снабдить его комментарием. По окончании вечера воодушевленные слушатели подошли к нам. Это были ученики и преподаватели Монтселя. По их возбужденному виду и трогательной предупредительности нетрудно было догадаться, что Бурдон и Винегрэн и по сей день слывут легендарными личностями в коллеже.

Дуг — впрочем, он бывал иногда зол на язык — уверял меня, что кроме этих учеников на вечера Бурдона и Винегрэна никто не ходит.

В особенности эти странные лекторы были озабочены тем, чтобы, по их выражению, "жить своей жизнью". Кристиан Винегрэн страдал неврастением, которую пытался подавить постоянной суетой. По его словам он всячески стремится избежать "простоя". У него были светлые выщипанные волосы, а цвет лица розовато-нежный — легкий румянец старого ангелочка.

Бурдон — загорелый, кудрявый, темноволосый, с хищной улыбкой, отрывистой речью, курил трубку и старался походить манерами на джентльменов Океании, но скорее напоминал стюарда международных линий. Они жили вместе в холостяцкой квартире на улице Колонель-Ренар, куда Винегрэн часто меня зазывал. На стенах были развешаны карты наших бывших колоний и препарированная голова носорога. На полу — звериные шкуры. Спальня Винегрэна в точности воспроизводила каюту корабля. По стенам коридора одна за другой были развешаны фотографии любовных побед хозяев, снабженные точной датой: на одной из них я с удивлением узнал супругу лысого военного министра.

Один из их подвигов, о котором они всегда охотно рассказывали, заключался в следующем: они пообещали двум "роскошным" шведкам /эпитет "роскошные" принадлежал Винегрэну/ отвезти их на берег моря — в уплату за проведенную с ними ночь.

Часов в 11 вечера, Винегрэн и Бурдон приезжают за ними на автомобиле, едут по восточному шоссе и останавливаются в Версале, где заказывают два номера в отеле "Трианон".

Курортный вид отеля, темный парк вводят шведок в заблуждение; они полагают, что прибыли в какой-нибудь Туль или Динар.

Рано утром, воспользовавшись тем, что их жертвы еще спят, Винегрэн и Бурдон платят за комнаты и прячутся в галерею. В 10 часов утра они наблюдают следующую картину: две шведки в купальниках и солнечных очках направляются к стойке администратора и спрашивают, как пройти на пляж. Винегрэн буквально задыхался от смеха, вспоминая спустя пять лет эту историю.

Но внезапно настроение омрачилось. Что касается Винегрэна, то мне никак не удавалось установить почему он вдруг на несколько дней впадает в прострацию, да так, что ему едва достает сил, чтобы дотащить до бара "Мадам Камоен" и спуститься в свою келью.

Бурдон тоже довольно зрелищно переживает приступы хандры, но мы, по крайней мере, знали ее истоки. Когда ему было семнадцать лет, у него родилась дочь, а, поскольку мать ребенка принадлежала к известной династии коммерсантов из Бордо, это незаконное рождение вызвало целый скандал. Ребенка согласились воспитать при условии, что отец никогда не будет с ним видиться.

Теперь, когда его дочь выросла, Бурдон выкрал ее фотографию и без конца всем показывал ее, начиная рассказ с того, что его дочь окажется по отношению к нему очень внимательной, но уже через три минуты падал духом и признавал всю правду: он был ей совсем чужим. Тогда он начинал плакать и мы отводили его на улицу Колонель-Ренар.

Я рискну все же объяснить и "темные дела" Винегрэна — так он сам называл свои приступы отчаяния. Он так и не пришел в себя, покинув коллеж Монтселя. Они с Бурдоном целые ночи напролет поверяли нам свои юношеские воспоминания, и мы понимали, что этот монтсельский период оставался самым прекрасным в их жизни.

Они были героями этого коллежа. Каждый год, в июне, в канун спортивного праздника они устраивали показательные выступления по прыжкам с шестом — перед двумя сотнями учеников коллежа, восхищенных их искусством. Мадам де Бурдон приезжала за ними на своей "симке" по выходным дням. Эта дама поначалу жила за счет своих ухажеров, затем вышла замуж за некоего Бурдона, старого гомосексуалиста с баскского побережья, жившего в полуразвалившемся замке возле Ибаррица. Этот самый Бурдон за плату согласился признать сына, которого она родила от неизвестного отца. Сын этот и был нашим Бурдоном.

К вечеру Винегрэн и Бурдон одевались в одинаково строгой манере: фланелевые костюмы или пиджаки с эмблемой коллежа Монтселя, жесты их были синхронны. Таким образом, они входили в комнату бок-о-бок одновременно, или же расходились с порога в разные стороны, словно артисты ревю на сцене.

Если верить Беллюну, Контур сошелся с Винегрэном и Бурдоном в то время, когда он занимался перекупкой акций горнодобывающей компании в Экваториальной Африке и решил себе в голову сделать фотоснимки этих разработок с воздуха. Он искал пилотов. Винегрэн и Бурдон зафрахтовали в Браззавиле старый "Фарман" и успешно выполнили эту миссию.

Впоследствии я размышлял над тем, — было ли внимание, которое оказывал им Поль Контур, вполне бескорыстным. Не использовал ли он "сына Кредитного Банка" в качестве финансиста? К тому же он полагал, что динамизм и авантюризм Бурдона, направленные в нужное русло, могли бы послужить его аферам. Ходили слухи, что Винегрэн был некогда любовником Медди Контур. Но ведь все только и делают, что распускают сплетни.

Два других члена компании присоединились к нам в Буживале. Это были Клод Дельваль, антиквар, специалист по светлостому дереву /я был восхищен его осанкой/ и его друг — брнет с правильными чертами лица. Этого антиквара Поль Контур знал довольно давно. Он как-то вспоминал как Дельваль провозжал его на Аустерлицком вокзале во время "странной войны",

когда его только что мобилизовали, и он отправлялся в казармы Шаранта. В те времена Контуру не было еще тридцати, и он догадывался, что Дельваль был слегка влюблен в него.

С тех пор Дельваль интересовался тремя или четырьмя сменяющимися поколениями молодых людей, как гуляющий по берегу человек наблюдает за движением волн, одна за другой разбивающихся о скалы. И эта без конца возобновляющаяся погоня за молодостью беспокоила Контура — он это часто высказывал мне в доверительной манере — так как это делало его чувствительным к своему старению: он был уже не тем юношей, которого Дельваль провожал когда-то на поезд.

Меня посадили за край стола, рядом с приятелем антиквара и блондинкой — невестой Кристиана Винегрена. Она бросила свою семью, чтобы следовать за Винегреном повсюду; он по видимому привязался к ней, тронутый такой искренностью. Друг антиквара — брюнет с безукоризненным профилем — посещал уроки драматического искусства. Смущаясь, он спросил меня на какой тип ролей, по моему мнению, он должен ориентироваться. Я вспоминаю его имя, но не было ли оно псевдонимом, который он избрал, предвидя свою артистическую карьеру: Мишель Марав?

Вскоре мы все наслаждались прекрасным голосом Поля Контура. Июльской ночью он приобрел особенно чарующие модуляции.

Мэдди с улыбкой смотрела на меня. Возможно, она хотела проверить, воздействовало ли очарование этого голоса на нового члена их компании? Он воздействовал до такой степени, что я с трудом понимал, о чем же Контур говорил — это при том, что я прилагал чудовищные усилия, чтобы этот голос окончательно меня не убавкал. Да, просто-напросто убавкал. Но о чем же он говорил в тот вечер? О вещах, вряд ли соответствующих сладкому тембру его голоса. Контур рассказывал о своей старой профессии торговца лошадьми, о ночах, проведенных на бойне Вожирара, когда он ждал прибытия поезда с животными с Юга — из каждой партии он покупал всякий раз дюжину лошадей, которых отводил на рассвете в Нейи, где были конюшни. Некоторые не могли даже передвигаться — так они

были слабы, лошади, предназначенные для бойни.

Затем он ставил лошадей на ноги и переправлял по более высокой цене на конные заводы. Одна из таких лошадей — рыжий мерин — даже выиграла немало призов на скачках.

В конечном итоге, Поль Контур спасал им жизнь.

Было уже очень поздно, но Контур каждого из нас отвозил по домам. Я остался в автомобиле последним. Сидел я сзади, Мэдди и Поль — спереди, Дуг вел машину. Я спросил их, давно ли они знакомы с Жоржем Беллюном, моим сослуживцем, и услышал в ответ шепот Контур: "Целую вечность. Он занимался лошадьми вместе со мной. В то время ему нужно было получить разрешение на работу". Больше он ничего мне не сказал. Прежде чем распрощаться, Мэдди и Контур любезно сказали мне, что они рады были бы, чтобы я вошел в состав их компании, но в таком случае я должен подчиняться строго установленному распорядку. То есть, начиная с октября и по июнь — сезон уик-эндс в Гросбуа, их владении неподалеку от Вьерзона. Я был приглашен туда. Я был приглашен туда. Любопытное строение — этот дом в Гросбуа: белый фасад, две зубчатые крыши, оконные рамы на шарнирах. Три кирпичных ступени опоясывали дом, служили ему фундаментом. Подобная загородная вилла необычно смотрелась для пейзажа Солони.

Дельваль, специалист по светлому дереву, был владельцем бывшего охотничьего домика неподалеку от Гросбуа, куда он отправлялся по вечерам в сопровождении своего юного друга. Или же Контур, Дуг, Винегран и Бурдон были его гостями и ужинали в интерьере Карла X из светлого дерева и шелка.

По возвращении Поль беззлобно подшучивал над преклонением Дельваля перед стилем Карла X. Для самого Контурой излюбленной эпохой был период Директории, а историческим персонажем, которым он неизменно восхищался — генерал Виконт де Баррас. Он купил один из редких бюстов де Барраса работы Гатти и льстил себе физическим сходством с ним. Вилла в Солони была названа "Гросбуа" по имени замка де Барраса. Помимо детективов — единственные книги, которые были в библиотеке Контурой — он собирал труды, посвященные Директории — периоду, который, по его утверждению, он "пережил".

Из-за этой своей страсти Контур получил прозвище "Директор", а Дельваль, подшучивая над Мэдди, называл ее "наша мадам Тальян".

После ужина в Гросбуа Дуг ставил столик для бриджа. Поль Контур затевал с Винегрэном партию в шахматы, порой Мэдди предлагала сыграть в покер. Кажется, она была опасным соперником. Я в соседней комнате слушал пластинки в компании Франсуазы — белокурой подруги Кристиана Винегрэна. Теперь я сожалею, что между нами не установились более близкие отношения, но она мечтала только о Винегрэне, который был нас старше лет на пятнадцать. Время от времени она выходила в соседнюю комнату и там смотрела на него беспокойным и влюбленным взглядом. Винегрэн очень умело играл на чувствах Франсуазы — так, что ему прощалась любая колкость или же слишком развязное поведение. Он держал эту девушку в резерве. Быть может, он чувствовал, что вскоре, когда ему исполнится тридцать пять, настанет время для серьезных вещей — женитьбы, например. Бурдон, в свою очередь, пытался остаться верным своему амбуа искателя приключений с берегов Тихого океана и стремился, чтобы возможная женитьба принесла ему деньги и полную свободу. Вот почему он вынашивал проект "гавайского брака" — женитьбе на богатой американке, живущей в Гонолулу, с которой он переписывался. Она была метиской и родственницей короля Калакуа, что льстило самолюбию Бурдона.

Нередко в Гросбуа они с Винегрэном демонстрировали нам диапозитивы своих путешествий. Порой Мэдди разжигала огонь в огромном кирпичном камине, и Дуг пел нам под гитару романсы своей родины — Кентукки. Бурдон и Винегрэн во все горло подхватывали одну из этих песен, которой Дуг выучил впоследствии и меня. Поль Контур слушал эту песню с задумчивым видом. В песне говорилось о лошадях, которые один раз проходят мимо утром, а больше не возвращаются, видно, это напоминало ему о его прежнем занятии. Досадно было то, что Дуга невозможно было остановить, и он пел почти до самого утра.

По традиции вся компания собиралась в Гросбуа на Рождество и Новый год и, согласно англо-саксонскому обычаю,

разыгрывала в лотерею рождественские подарки.

Поль Контур самолично выбирал елку на набережной Медисри в Париже и доставлял ее в Солонь. В эти праздничные дни огонь в камине, твидовые костюмы Поля и ель, на ветках которой горели маленькие розовые и голубые свечи, создавали впечатление стабильности, семейного уюта, который очаровывал меня — впечатление довольно обманчивое, как я очень быстро заметил.

Я вспоминаю один наш ужин у специалиста по светлomu дереву. Мишель Марэз — его юный протеже — декламировал нам стихотворения в прозе Бодлера, делал это очень убедительно. По этому случаю Поль подбросил нам идею: почему бы не организовать "Сон-е люмьер" ^{x)}, который он финансирует, используя замок де Сабре в нескольких километрах отсюда. Юный протеже Клода Дельваля, стоя на самой высокой башне, будет декламировать этот спектакль. Для Поля, Мишель Марэз, должно быть, выглядел человеком именно такого рода занятий. Что же касается идей, Контур имел их в изобилии. Во время одного из уик-эндa в Гросбуа я услышал как он обсуждал свои "дела" с Винеграном, и мне удалось уловить несколько предложений. Речь шла о выращивании морских водорослей, которые можно было бы экспортировать в Африку, где их будут использовать в качестве корма для скота. Контур говорил о земельных участках на берегу моря, которые необходимо было срочно приобрести. Если этот план поставки кормов в Африку провалится, никогда не поздно будет запрудить участки. У нас были бы польдеры ^{xx)}. Но зачем нам польдеры? Да, действительно, зачем?

Его мечтой, как он мне сам поведал во время одной из прогулок под высокими деревьями Гросбуа /о которых Поль Контур неоднократно напоминал мне, что они сохранятся дольше, чем мы/, было снова заняться торговлей лошадьми. Я поинтересовался, не сожалеет ли он о карьере адвоката, которую

x) буквально "звук и свет" — традиционный французский праздник с музыкой и красочным освещением, устраиваемый обычно в старинном замке.

xx) запруженные и осушенные болота в прибрежной полосе.

он так блестяще делал в молодости? Он, казалось, удивился, что я в курсе этого эпизода из его жизни, но потом решительно-ответил, что профессия адвоката неприлична: во-первых, из-за уродливого костюма, а потом из-за того, что нужно очень много говорить, а в этом словесном потоке есть что-то отталкивающее. Зато общение с лошадьми облагораживает человека. Они, по крайней мере, молчат. И Контур, достав из кармана пиджака бумажник, протянул мне фото рыжего мерина, которого он спас от бойни во время оккупации. Она придавала ему эмоциональных сил, эта фотография, так как каждую ночь ему снился один и тот же кошмар, и мы слышали как он стонет или зовёт на помощь.

Ему снились нескончаемые вереницы лошадей, которых вели на бойню. И вдруг он оказывался с ними в одной очереди. Всего лишь лошадь для бойни, ничего больше.

Он был очень любезен и задал мне несколько вопросов относительно моего будущего. Отсутствие у меня какого-то ни было практического ума и малая заинтересованность спортом, а также различными играми общества, занимала его. По его мнению, все это было необходимо где-то лет с тридцати пяти, и позволяло преодолевать жизненную тоску. Если я не начну заниматься всем этим прямо с сегодняшнего дня, впоследствии мне будет ужасно не хватать развлечений. Он пытался научить меня играть в шахматы и бридж и распростёр свою заботу до того, что даже записал меня в теннисный клуб, и на ипподром в Нейи, и, поскольку он всегда присутствовал на занятиях, я не пропускал ни одного из них. Он хотел также, чтобы я брал уроки танцев и получил водительские права, но не решался братья за меня слишком резко. Он был удручен тем, что я был небрежен в одежде. Однажды после обеда он повёл меня на улицу Колизея к своему портному и, выбрав ткань, заказал для меня два костюма. Затем мы подстриглись бок-о-бок у одного парикмахера с Больших бульваров, которому Контур оставался верен в течении тридцати лет. Вечером мы вдвоём поужинали у Шарло на площади Клиши, и я был расстроган, когда он сказал, что хотел бы иметь такого сына, как я. Я поблагодарил его. Было жаль, что такая прекрасная пара, как Мэдди

и Поль, не имеют детей — полагаю, они очень страдали от этого.

В Гросбуа у нас с Полем был постоянный повод для шуток; его интриги, о которых он мне поведал между двумя приступами истерического смеха: интриги, которые он плел, дабы записаться в "Ралли Буфмон"^{х)}, возглавляемый владельцем замка в Сабре. Контур презирал псовую охоту, считая возмутительным использовать лошадей с целью увековечить убийство, но владелец въезда — большой грубиян с внешностью камергера бывшего Венского двора был членом директората банка и президентом многих административных советов. Контур надеялся вовлечь его в свои "дела" и, как он любил выражаться, "ощипать этого павлина". При каждом визите в замок Сабре, Дуглас, Винегрен и Бурдон сопровождали Контура, а я оставался в Гросбуа с Мэдди. Эти ноябрьские вечера оставили самые драгоценные воспоминания. Мэдди оборудовала свою мастерскую в Гросбуа, и я находился рядом с ней в то время как она рисовала. Она давно уже хотела сделать портреты всех членов компании и попросила также и меня позировать ей.

Когда Дуг повесил мой портрет рядом с другими в гостиной — это послужило поводом для маленького праздника. Мэдди была очень растрогана, когда заметила, что я, не в пример Полю, интересуюсь ее живописью. Поль же читал лишь детективы, да книги о Директории. Сразу же после войны Мэдди обзавелась собственным ателье мод, которое пришло в упадок сразу после демонстрации трех коллекций по причине неосторожности Поля, занимавшегося коммерческой стороной дела. Тогда Мэдди решила заняться живописью.

Мы часто гуляли по лесу. Мэдди — в куртке цвета ржавчины для верховой езды — брала меня под руку. В дождливые дни мы сидели в гостиной и слушали ее любимые пластинки. Иногда мы танцевали, но чаще всего я просто любовался этой прекрасной беспечной женщиной, растянувшейся на диване с сигаретой во рту. Один раз я поцеловал ее и почувствовал нежность ее белокурых волос, но внезапный приход Поля и других помешал нам зайти дальше. Должен сказать, что к моему великому сожалению, такой возможности больше не представилось.

х) аристократический клуб.

Сторож Гросбуа пожелал, чтобы Поль Контур был крестным отцом его дочери, а Мэдди — крестной матерью. Церемония происходила в соседней церкви, посвященной святому Гумберту. Мы все собрались там; Дуг нес подарки Контуров крестнице: две вышитых диванных подушки и серебряный кубок, который, как сказал мне Жорж Беллюн, он выкупил, следуя указаниям Поля, на прошлой неделе из ломбарда на улице Пьер Шаррон.

Во время мессы я размышлял о разношерстности нашей компании: Дуг — с кирпичным лицом и уверенным взглядом, Кристиан Винегрэн и Бурдон — застывшие скульптуры в своих охотничьих куртках, Клод Дельваль, стянутый костюмом стального цвета, словно доспехами, его юный друг с видом заблудившегося греческого пастуха, Клод Беллюн, словно дрогман какого-нибудь далекого посольства, Мэдди — светлые волосы под мушкетерской шляпой цвета морской волны... Ребенок был бы здорово удивлен, если бы знал, какие удивительные персонажи собрались, чтобы отпраздновать его вступление в христианскую веру.

Станный характер этой ситуации, должно быть, подействовал на Поля Контура, и он поведал мне свои тревоги. Смогут ли они с Мэдди должным образом выполнять обязанности по отношению к крестнице? Его успех в "делах" был столь непостоянен...

Дом в Гросбуа постепенно приходил в упадок, и Поль шепнул мне на ухо, что на самом деле он давно уже был заложен.

Мы погрузились в зиму. Пролетели январь, февраль, март. В апреле вся компания имела обыкновение жить в Китсбухеле у друга детства Жоржа Беллюна, некоего Бруно Крамера, владельца просторного шале на этом австрийском лыжном курорте.

Но к тому времени, когда я познакомился с Контурами, Крамер как раз продал свой дом, и это обстоятельство создавало в их жизни большую пустоту, так как по привычке они в течение десяти лет один месяц в году проводили в горах.

Беллюн описал мне их ночные отъезды в Китсбухель с Восточного вокзала: три дорожных чемодана Контуров, красные свитера и лыжные ботинки Бурдона, Винегрэна и Мишеля Марэва, лыжи, которые Дуг вырывал у носильщиков и сам укладывал в

купе мягкого вагона, насвистывая "Несторугане". Дельваль не ездил с ними в Китсбухиль, так как боялся снега. Он с большой неохотой расставался с Мишелем Марезом, но не мог лишить его каникул.

Весна подходила к концу, июнь отмечал начало нового цикла. В летние месяцы вся компания застывала в "Гасиенде" — вилле Контуров на мысе Антиб. Я отдыхал в тот год на Лазурном берегу, и навещал их. В то время как уик-энды в Гросбуа отличались безмятежным спокойствием, благодаря играм и прогулкам в лесу, южный климат действовал на всех возбуждающе. Здесь больше, чем где либо, можно было догадаться, что Контуры вели когда-то роскошный образ жизни — если судить об этом хотя бы даже по обстановке "Гасиенды". Стены потускневшего от времени охристого цвета, потрескавшаяся беседка... Все по-прежнему собирались здесь, убеждая себя, что ничего не изменилось. Конечно, все оставалось прежним: квартира на авеню Поль Думе, Гросбуа, Гасиенда, но они уже производили иное впечатление; так выглядят старинные балльные залы, куда проходишь вслед за экскурсоводом: опустошенные и молчаливые. Однажды я, движимый своей природной скрупулезностью, все же попросил Поля назвать мне координаты того периода, когда он начал испытывать затруднения. По его мнению лучше всего было определить это, взяв за точку отсчета какое-нибудь важное событие в истории человечества. Поразмыслив несколько минут, он поведал мне, что конец его "золотого века" находился где-то между Дьенбьенфу^{х)} и Суэцем.

На мысе Антиб вся компания пыталась с умноженной в несколько раз энергией расшевелить затухающие угли, отчего у всех возникало чувство, что они сопротивляются в последний раз, прежде чем дать течению унести их. Иногда на лице Контура появлялся отблеск тревоги, но я восхищался его неприхотливым и солидным видом, когда он входил в ночной бар.

х) город на северо-западе Вьетнама, где в мае 1954 года произошло сражение, принесшее полную победу вьетнамцам во вьетнамо-французской войне 1945-54 гг.

Официантов, подающих шампанское, он называл "менялами", указывая этим на то, что опорожненные бутылки должны тут же заменяться новыми. У меня до сих пор в ушах стоит его голос: "Менялы, будьте любезны..." — а указательный палец устремлен к нашим бокалам; чтобы показать, что нужно налить шампанского он добавлял — "плесните-ка..." Я мог бы поклясться, что тридцать лет подряд он сидит на одном и том же стуле перед тем же самым столиком, в то время как под ритм переставляемых бутылок менялось совершенно все: декор и оркестр в баре, светящиеся вывески на улице, правительства и женские платья. Оставалась лишь прямая фигура Поля Контюра, его указательный палец и коротенькая фраза, произносимая через определенные промежутки времени одним и тем же шепелящим голосом: "Менялы, будьте любезны, плесните-ка..."

Всего лишь два человека сохраняли хладнокровие среди всего этого шума, смеха и крика: Мишель Марэз — юный друг специалиста по светлomu дереву, и Франсуаза, все еще влюбленная в Винегрена и страдающая от его слишком уж лихорадочного состояния. Однажды я даже видел как она плакала, и тщетно пытался ее успокоить. Дельваль, в свою очередь, был бесконечно счастлив. Он в особенности любил эту виллу Контюров: не здесь ли, на пляже Хуан-ле-Пин он познакомился с Мишелем Марэзом? Этим летом Марэз заканчивал военную службу в морской пехоте в Тулоне — своем родном городе.

У Дельваля проявился забавный феномен — я узнал это от него самого, так как он доверял моей скромности — наблюдая за этим юным моряком, он вновь становился двадцатилетним: Тулон с его тайнами, опиум, Оскар Дюфреш и многие другие воспоминания тридцатых годов — период, когда он сам, Дельваль, был каскадером-эксцентриком на сцене театра "Ампир", прежде чем антиквар — специалист по светлomu дереву. — не заметил его из зрительного зала, полюбил и научил его своей профессии. И вот теперь молодой человек воскрешал все это перед глазами Дельваля, упраздняя время.

Нередко к нам присоединялся индокитаец, сын бывшего министра при последнем императоре Аннама. Он был соучеником

Бурдона и Винегрена по коллегу Монтселя. Теперь он заведовал парфюмерным производством в Каннах и был женат на уроженке Марселя по прозвищу Пилу. Странную пару являли они собой: он — высокий, атлетического телосложения с несколько одутловатым лицом; она — крохотная брюнетка с раскатым голосом. Она устраивала ему бурные сцены, он же, не прерывая ее воплей, сидел с сигаретой, выдувая время от времени облако дыма, которое целиком заволакивало его лицо или же пристально смотрел на нее с холодной улыбкой. Как она ни кричала и ни пыталась устроить скандал всякий раз, как они ходили с нами в ресторан или в какое-нибудь публичное место, он держался как ни в чем не бывало. Подобная невозмутимость: он добросовестно очищал яблоко от кожуры в то время, как она обзывала его "убийцей", позволяла нам полностью не замечать присутствие той, кого мы называли "марселькой", и было очень трогательно наблюдать, как она сопротивляется этому забвению. Но, как правило, все кончалось примирением, что служило всей компании предлогом выпить за их здоровье по коктейлю и отправиться "кутнуть", как это называл Винегрэн.

Прежде чем выйти замуж, Пилу позировала для "Париж-Голливуда", иллюстрированного журнала, несколько номеров которого Винегрэн раздобыл у старьевщика в Антибах. На обложке одного из них можно было узнать Пилу с выставленными напоказ ягодицами в крошечных кружевных трусиках. Винегрэн подчеркнуто раскладывал "Париж-Голливуд", когда Пилу приходила на виллу, что усугубляло ее плохое настроение.

До, индокитаец, потратил немало денег на покупку маленького заброшенного аэродрома неподалеку от Канн. Там он укрывался от криков Пилу. Он мечтал организовать аэроклуб, приобретя предварительно три туристских самолета и несколько планеров. Как-то раз мы с До, Полем Контуром, Винегрэном и Бурдоном отправились на аэродром. Двое последних решили полетать, выполняя все более и более опасные трюки. Поощряемый своими бывшими соучениками, До превзошел их мастерство в пике, которое чуть не стоило ему жизни. Как выяснилось, он был личным пилотом Его Величества Императора Бао Дай. Мы вышли по стаканчику в гараже, который До окрестил "Бар

эскадрильи" — эту надпись он вывел красочными буквами на черном железе, и Поль-Контур сказал нам, что вся идея с за-роклубом очень интересна, и что он еще на этот счет пораз-мыслит. С минимальным капиталовложением и дельной рекламой — почему бы не попросить Его Величество Императора Бао Дай стать почетным президентом — дело могло бы развернуться. Да, но сначала найти завораживающее название.

Поль предложил "*Vo-Aziz*".

Я удивлялся, что Гасиенда освещалась при помощи све-чей, но Жорж Беллюн объяснил мне, что это ни в коем случае не было фантазией Контуров. Электричество просто-напросто было отключено, — вила содрогалась под бременем залога, как и Гросбуа.

Поль Контур в последний момент избежал наложения арес-та на квартиру на авеню Поль-Думэ, и частые поездки Дуга, лицо которого приобрело фиолетовый оттенок, в Париж и обрат-но на мыс Антиб объяснялось этой тяжелой финансовой ситуа-цией, которую Поль Контур не терял надежды исправить. Нахо-дясь на значительном расстоянии от авеню Поль-Думэ, он от-носился к этому довольно флегматично и спрашивал нас, что мы думаем о том, чтобы, в случае опасности, "окопаться" на баскском побережье где-нибудь в начале сентября.

Тем не менее я пережил на мысе Антиб довольно приятные моменты. Вечером, когда мы ужинали в Гасиенде при свечах, в воздухе царило очарование. Красота Мэдди тоже кое-что значила, так же как и мечтательный характер Поля, эта без-заботность, которую жизнь еще не разрушила окончательно, его наполовину цыганский, наполовину *coadish*, как он сам это определил, нрав.

Дуг пел романсы и часам к двум ночи мы отправлялись на поиски Винегрена и Бурдона, которые пили больше, чем следу-ет и исчезали украдкой.

Мы пытались уловить звук их голосов в тишине ночи.

Они неистово выкрикивали рефрен "*Memory Lane*", отрывки которого доносились до нас вместе с запахом хвои:

Только один раз проходят лошади по М.

Но следы их копыт остаются... (англ).

Нас очень забавляла эта игра в прятки; наши поиски обычно заводили нас в сторону Гарупа, где мы купались ночью.

Сюзон Вальд, подруга детства Мэдди, которая весь год жила одна в Грассе, теперь не расставалась с нами. Худая тусклая фигура, на которую была насажена светловолосая головка мумии. Все свои силы она отдавала саду: она хотела превратить и его в миниатюрную копию сада виллы Карлотта на берегу озера Ком. Я припоминаю еще, что у нее был маленький автомобиль цвета морской волны с открытым верхом. Мэдди и Сюзон были уроженками Сомюра, они вместе бежали оттуда в восемнадцать лет, чтобы стать манекенщицами в Париже. Сомюр — вот что пробуждало мечты Поля Контюра; Мэдди повторяла, смеясь, что он женился на ней, потому что она была девушкой из Сомюра, и Поль воскрешал в памяти звук копыт о мостовую Сомюра, в сумерках, когда лошади возвращались в конюшню, запахи и песок манежа, янтарные вина, и все то, что придает жизни какой-то смысл.

Боже мой, каким точным подобием жизни мне показался именно тот вечер, когда мы все сидели на пляже Хуан-ле-Пин, пустынном на этот раз...

Несколько существ случайно встречаются, образуя компанию, потом все рассыпается, разваливается. Кристиан Винегрэн и Бурдон с одной стороны, — Дуг, Франсуаза и юный друг специалиста по светлому дереву, с другой — играли в мяч, разделив пространство воображаемой волейбольной сеткой. Клод Дельваль с обнаженным торсом, в белых брюках с черным поясом, застывший в пластичной позе, выдававшей бывшего танцора, был арбитром.

На некотором расстоянии от них Сюзон Вальд в бирюзовом купальнике подставляла свое тело последним солнечным лучам. Поль в махровом халате листал альбом фотографий, посвященный Школе Верховой езды в Вене, а я бродил по пляжу с Мэдди. Контур и думал, что был влюблен в нее с самого первого дня

и что у нее очень трогательный вид, потому что скоро она начнет стареть, тогда как сейчас ей можно дать не больше тридцати. Если я о чем и жалею теперь, так это то, что я не женился на ней; тогда я мечтал об этом, но ей не осмеливался сказать, полагая, что Поль Контур не даст согласия на развод.

Разница в возрасте? Но что она значит эта разница, если Мадлен и я были бы прекрасной парой. Тем хуже. Единственное, что у меня осталось от нее — сборник персидских сказок, подаренный мне на мысе Антиб с дарственной надписью на форзаце: "На память о прекрасных днях в Гаспенде".

Последний раз я видел их в полном составе при довольно торжественных обстоятельствах. Клод Дельваль снял на вечер маленький театральный зал в Версале, чтобы дать возможность послушать его юного друга на сцене из "Капризов Марианны". Кроме Контуров, Бурдона, Винегрена, Жоржа Беллюна, Дуга и меня самого, на этом представлении присутствовал администратор Комеди-Франсез — довольно почтенный человек, который обращался к Дельвалю на "ты" и называл его "Клавдио". Беллюн рассказал мне, что именно под этим именем Дельваль выступал каскадером в театре "Амбир". Специалист по светлому дереву пригласил администратора в надежде, что тот отметит его протеже.

Мишель Марез неплохо выпутался. Франсуаза подавала реплики. Сцена из "Капризов Марианны" была прервана неуместными аплодисментами Винегрена и Бурдона, которые были пьяны.

Но администратор Комеди-Франсез сказал несколько одобрительных слов, что разрядило атмосферу и успокоило "Клавдио" Дельваля, который прямо весь взмок во время прослушивания.

Поль Контур увлек всех в ресторан. Он говорил о том, что финансирует постановку, звездой которой станет Мишель Марез. Неисправимый Поль.

Туман, который окутывает их вот уже пятнадцать лет, иногда рассеивается.

Выражение лица беззаботного Поля Контюра показалось мне изможденным под антибским солнцем.

Мэдди держалась более стойко — изгиб ее бровей, глаза с отблеском фьордов, улыбка.

Бурдон часто носил яхтменскую каскетку; с трубкой в зубах он был умиротворен в своем желании походить на какого-нибудь покорителя южных морей. Как и у его друга Винегрена, у него был безотчетно грустный взгляд, выделявшийся на его вечно загорелом лице. И эта слишком натянутая веселость Винегрена, его дурацкие пари, страсть к опасным видам спорта, так беспокоившая Франсуазу, его робкую и скромную невесту... Наконец, Дуг с красным, изрытым оспой лицом, вечно бегающий от одного к другому или поющий "*Memory Lane*"... С каждым из них мне удалось какое-то время провести наедине. И я вспоминаю в точности один вечер, когда Дуг пригласил меня поужинать с ним в ресторан на авеню Нмель.

За бутылкой зеленого изарра он рассказал мне о своей молодости: тогда у него была осиная талия, превосходный цвет лица, он участвовал в высадке в Нормандии под командованием Омара Брайли.

Как-то утром Бурдон пригласил меня покататься на лодке в Булонский лес; мы пообедали в Пре-Кателан, ожидая его мать. Мадам де Бурдон была намного старше Мэдди, но понравилась мне гораздо больше.

Изумрудного цвета глаза, нос — один из самых грациозных, самых французских — нос Жозефины на портрете Изабелы. Она знавала многих мужчин, и Бурдон вспоминал, как он сидел на коленях чемпиона велоспорта Шарля Пеллиссе, драматурга Жана Дельваля, авиатора Детруа и многих других. Он ~~никогда~~ называл ее "маман", она же звала его "Бэмби", я полагаю, что именно она выручала его, когда у него случались денежные затруднения.

Как-то вечером я сопровождал Франсуазу в театр, и она немного разоткровенничалась.

Ее мать была директрисой школы в Биаррице. Когда ей было семнадцать лет, она познакомилась с Винегреном на пляже баскского побережья. Любовь с первого взгляда. Винегрэн

и Бурдон проводили отпуск у приемного отца Бурдона, и она поселилась с ними в полуразвалившемся замке.

Незабываемый медовый месяц.

А эта прогулка с Мишелем Марезом вдоль террасы Тюильри; Дельваль, которого мы отыскиали, чтобы выпить у него чая в мебельном магазине на улице Артуа...

Когда я видел их вот так отдельно друг от друга, у меня возникало ощущение, что я паук, плетущий сети от одного к другому, и что их компания стягивается вокруг меня.

Когда после десятилетнего пребывания в Бразилии и Аргентине, я вернулся во Францию, я стал наводить справки у тех немногих людей, которые могли рассказать мне об остальных. Они не были хорошими — эти новости и еще больше убедили меня в том, что прежние времена ушли безвозвратно. Я, так часто наблюдавший старение других, в свою очередь должен был привыкнуть к мысли, что моя молодость близится к закату. После многочисленных финансовых неудач Поля, Гросбуа, Гасиенда и квартира на авеню Поль-Думе были уже давно под имуущественным арестом. Я раздобыл один из рекламных проспектов о распродаже с торгов, и обнаружил в перечне мебели "два зеркала-ширмы", "китайский столик" — это тотчас же напомнило мне художественное ателье Мэдди.

Гасиенду снесли и на ее месте построили жилой дом в форме Пирамиды.

Гросбуа превратился в детский пансионат. Я узнал, что все наши портреты, написанные Мэдди, так и остались на стенах гостиной. Рабочие отказались снимать их, так как Поль в свое время настоял на том, чтобы их вделали в ниши, словно иконы.

Теперь дети играют перед нашими лицами, застывшими навеки.

В конце концов, мы станем для них близкими знакомыми, и, возможно, они уже дали нам ласковые прозвища.

А что если они обольют нас какими-нибудь чернилами? Тем лучше, я даю на это свое согласие.

После разорения Контурны нашли пристанище у Кристиана

Винегрена в небольшой аристократической усадьбе в Луар-Атлантик, которая досталась ему в наследство. Поль вновь воспрял духом и уговорил Винегрена принять "*paying-guests*", переделать несколько гектаров парка в площадку для гольфа, а на соседних землях развести плантацию малины. Активность и энергичность Поля заметно контрастировала с пассивным состоянием Винегрена, которого бросила Франсуаза. Его часто можно было видеть на самой середине пруда, сидящего в лодке в полной прострации с опущенной головой. И только Мэдди, с ее нежностью и умением уговаривать, удавалось убедить его вернуться к берегу.

Пока он таким образом мечтал в лодке, гольф-клуб и плантация малины съели все его средства, но он не был за это сердит на Поля, и все трое обосновались в нескольких километрах отсюда на крошечной вилле "Ля Боль" — единственное, чем владел еще "сын Кредитного Банка".

Между тем компания познала и отступничество. Когда Дуг присутствовал на международном чемпионате по теннису в Роланд-Гаррос, у него случился сердечный приступ, и он предусмотрительно покинул Францию и отправился на свою родину, Кентукки, туда, где лошади лишь один раз проходят по

Бурдон уехал однажды вечером, никого не предупредив. Вероятно, он где-нибудь коротает остаток своей жизни, которая уже в то время, когда я с ним познакомился, была очень ненадежна. От всего сердца, дорогой мой Бэмби, я желаю, чтобы ты отпраздновал "гавайскую свадьбу".

Контуры, по выражению Поля, ведут "обывательский образ жизни" у Винегрена в "Ля Боль", и Поль даже переименовал виллу в "Ма Буэ". х)

Он очень постарел. А Мэдди нет. Чтобы сохранить форму, она занялась спортом и купается, начиная с марта. В "Ля Боль" ее хорошо знают, и дачники, непонятно почему, просят у нее автографы.

Поль и Винегрен взяли на себя управление одним из многочисленных детских клубов, которые невероятно быстро образуются на побережье от Пулигена до Порнише.

х) букв. "Мой спасательный круг".

Я подозреваю, что Поль очень высоко оценивает эту свою деятельность. Не убеждал ли он меня когда-то, что единственная стоящая для него вещь, кроме лошадей, конечно, — это пляж. Да, глядя на Поля, с его мягкой походкой, всегда создавалось впечатление, что он постоянно возвращается с пляжа в веревочных тапках, сквозь дырочки которых при каждом шаге высыпался струйки песка.

Солнечный пляж, впереди — перспектива вечных каникул, дети, с взрослой важностью строящие замки на песке, такие же нестойкие, как и проекты Поля Контур, молодые загорелые блондинки в купальниках, директор казино, ежедневно делающий гимнастику перед океаном... Поль был очень чувствителен ко всему этому, и я могу представить, как сжималось его сердце при мысли, что сезон подходит к концу, и пора разбирать сани, качели и гимнастические перекладины.

С перелетом диких гусей приходит осень, и нужно себе искать какое-нибудь занятие. Можно сыграть в карты или шахматы в гостиной "Ма Буэ" или же слушать пластинки Мэдди в то время как легкие порывы атлантического ветра постепенно наносят песок на пустынные улицы.

Кристиан Винегран так и не отказался от своих дурацких пари и между приступами хандры может на борту старого самолета, например, произвести посадку ночью в районе солончаковых болот близ Гранде. Он наотрез отказывается от каких бы то ни было сигнальных огней и выбирает безлунные ночи. Да хранит его Бог!

Дельваль и его юный протеже еще лет пять назад были зарегистрированы в телефонном справочнике под одним номером на улице Риволи. Там даже было указано: "Мишель Марэз, драматический актер, - R1C 14.78." Теперь они там больше не живут. На месте мебельного магазина на улице Артуа — лавка готового платья.

Мишель и "Клавдио", если вы читаете эти строки, будьте любезны, сообщите мне что-нибудь о себе, где бы вы ни находились в данный момент.

А как же Жорж Беллюн, который ввел меня в эту компанию? Он покончил с собой. Я часто вспоминаю его. К концу нашего

знакомства он открыл мне секрет своего рождения. Родился он в Вене и звали его Георг Блюен. Когда ему было двадцать три года он сочинил музыку к оперетте "Гавайские розы", либретто которой написал его друг из Китцбухеля Бруно Крамер. Оперетта имела немалый успех в Вене, затем в Берлине, и, по иронии судьбы, очаровательные и экзотические куплеты "Гавайских роз" были у всех на устах в момент избрания Адольфа Гитлера, их распевали на каждом углу.

Я подозреваю, что Георг Блюен познакомился в Париже с Оскаром Дюфресном именно потому, что тот хотел поставить "Гавайские розы" на сцене своего Мюзик-холла в предместье Монмартра.

Между нами говоря, любопытно будет отметить, что приход к власти фашистов и убийство Дюфресна произошли в один и тот же год.

Через некоторое время Георг Блюен уезжает из Вены во Францию и становится Жоржем Беллюном. Он обвинял себя в легкомыслии. Оперетты не сочиняют накануне апокалипсиса — говорил он мне.

Я же убеждал его в обратном: бессознательно он надеялся, что лепестки роз и напевные звуки гавайских гитар под деревьями Унтер-ден-Линден могут уберечь от злого рока.

Я даже употребил некий, позабавивший его образ: он был похож на каракатицу, которая, предчувствуя беду, выбрасывает облако черных чернил, чтобы запутать свои следы.

Бедные "Гавайские розы" Блюена и Крамера...

Из всех нас лучше всего устроилась Франсуаза. Уже много лет она царит на киноэкранах. Она изменила имя; как-то вечером, проходя по Елисейским полям, я увидел ее чрезмерно увеличенное лицо на одной из афиш. Я сразу узнал совсем юную девушку, которая грустными глазами смотрела когда-то на Кристiana Винегрена. Нам с ней было тогда двадцать лет. Если мы когда-нибудь встретимся, может быть, мы будем последними, кто сможет воскресить в памяти былые дни в Гросбуа, прекрасные времена в Гасиенде. Но захочет ли этого она? Иногда так хочется забыть компанию тех, кто направлял ваши первые шаги в этой жизни.

oooooooooooo
oooooooooooo